

Змеиная колонна с тремя головами. Миниатюра Османской империи, 1582 г.

Львы со змеями. Минск

заем на поверхность, чтобы не оказаться засыпанными в своих норах. Шаги тоже чувствуем издали и обычно успеваем спрятаться. Но отсутствие реакции на слух не единственная ошибка писателя. Во время съемок фильма «Шерлок Холмс и доктор Ватсон» змея, которая должна была ползти по свисающему шнуру, не могла этого делать — мы в принципе не можем ползать по свободно висящей веревке, нам необходимо твердое основание. Поэтому удалось снять только голову змеи, высывающуюся из отверстия в стене.

Пишут о нас, пишут, а хорошо познакомиться за много тысячелетий так и не смогли. Это хорошо, что вы меня к себе пригласили. Но за один раз всего не расскажешь. Давайте договоримся так: если мы, змеи, вам интересны, то еще раз внимательно прочитайте все, о чем я упоминала, книжки, а также все рассказы Григория Остера о моем внуке и его друзьях, Ивана Ефремова «Сердце змеи», сказы Павла Бажова, литовскую сказку об Эгле — укротительнице змей и другие, которые предложит вам библиотекарь. Посмотрите змеиные достопримечательности, особенно местные. И скоро, лет эдак через 12, в году 2025-м, я еще раз приползу прошипеть уже другие истории. Договорились? Ну, тогда до встречи!

Монолог мудрой бабушки удава записан в 2012 году в Центральной детской библиотеке города Минска.

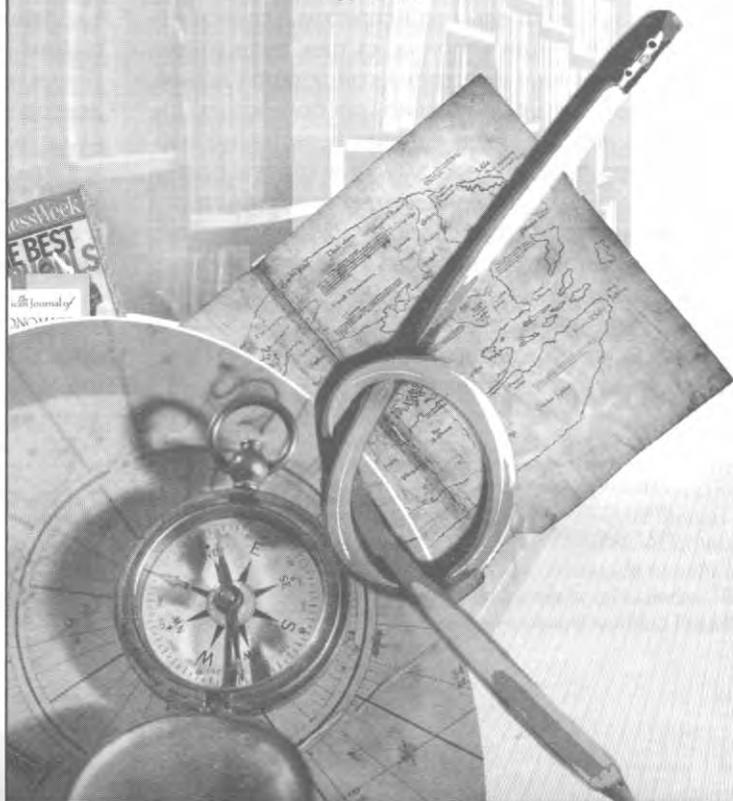
П. ЛАПО
директор
Фундаментальной
библиотеки
Белорусского
государственного
университета

О будущем библиотек: тенденции, прогнозы, размышления

Данная статья — это попытка сформировать видение (наиболее желательный и достаточно вероятный сценарий) будущего библиотек на основе анализа уже опубликованных прогнозов и сегодняшних реалий библиотечного дела и библиотечной теории, а также размышлений автора статьи над наиболее существенными, на его взгляд, факторами выживания библиотек как социального института общества на протяжении тысячелетий.

Мне бы хотелось, чтобы статья стала не монологом, а Вашим со мной диалогом, пусть даже и в форме вашей внутренней со мной дискуссии, и повлияло в той или иной степени на вашу мотивацию быть библиотекарем, на учет изложенных здесь идей при стратегическом планировании деятельности библиотеки и, в конечном счете, способствовало бы реализации самого оптимистичного прогноза относительно будущего библиотек Беларуси. А возможно, вы предложите свое видение успешного будущего библиотек и поделитесь им на страницах журнала.

Думаю, все специалисты библиотечного дела согласятся с тем, что в настоящее время библиотеки переживают переломный этап своего развития, т.е. время, когда их настоящее кардинально отличается от прошлого, а будущее очень неопределенно. У любого человека его неопределенное будущее вызывает беспокойство, но вместе с тем дает ему шанс выбрать наиболее предпочтительный вариант (сценарий) своего будущего и реализовать его исходя из имеющихся у него возможностей и с учетом условий, в которых ему приходится жить и действовать. Кроме того, важную роль в формировании будущего человека (или организации) играет то, какое влияние — активное или пассивное — оказывает он (или она) на формирование своего будущего. Общеизвестна притча о двух лягушках, каждая из которых попала в отдельный кувшин с молоком. Одна, не предпринимая никаких усилий выбраться, утонула, вторая же в непрерывном движении сбила масло и в конце концов выбралась из кувшина. Как справедливо отметил В. В. Маяковский в своем стихотворении «Выволакивайте будущее»: «Будущее не придет само, если не примем мер...». Поэтому при научном прогнозе будущего формулируют несколько его вариантов — от самого пессимистичного до самого оптимистичного. И если сравнивать библиотечное дело, например, с сельским хозяйством, то, согласитесь, что будущие результаты деятельности в библиотечном деле все же больше зависят от усилий профессионалов этого дела и отношения к этому делу общества, чем в сельском хозяйстве, в котором результаты деятельности все еще во многом зависят от стихийных, т.е. непознанных, а потому непредсказуемых процессов в природе.

В последние годы тема будущего библиотек постоянно затрагивается на библиотечных конференциях и в профессиональной библиотечной — и не только библиотечной — прессе. Хочу обратить ваше внимание на следующую статью — «Библиотека будущего: 10 трендов развития по версии РИА Ново-

сти»¹, опубликованную в Интернете в апреле 2012 г., в основу которой «легли как мнения российских экспертов-писателей и практиков библиотечного дела, так и материалы ряда зарубежных футурологических исследований». Данная публикация, на мой взгляд, достаточно всесторонне суммирует встречавшиеся мне в печати и на конференциях прогнозы о будущем библиотек. Чтобы не утруждать читателя поиском ее в Интернете и руководствуясь тем, что данные тенденции действительно имеют место быть и их полезно всем нам, библиотекарям, знать, приведу ее содержание в кратком изложении.

Прежде всего, отметим для себя тот отрадный для нас факт, что большинство опрошенных экспертов полагают, что традиционные библиотеки «сохранятся как класс, хотя и претерпят существенные изменения». Авторы статьи разделили 10 основных трендов развития библиотек на две равные группы: 1) тенденции развития виртуальных электронных библиотек (тренды 1–5) и 2) перспективные новации для библиотек традиционного формата (тренды 6–10):

1. Информация в «облаке»

В настоящее время практически весь библиотечный контент (книги, журналы, газеты и даже изображения, аудио- и видеозаписи) создается в виде компьютерных файлов. Кроме того, ведется масштабная работа по оцифровке печатных, не имеющих электронных аналогов, изданий, изображений, музыкальных и видеозаписей. Все эти процессы создания контента в цифровой форме делают возможным создание в глобальной сети в недалеком будущем высокоцентрализованных хранилищ («облаков») информации, содержащих, например, практически весь мировой библиотечный фонд. Если при этом удастся соответствующим образом решить проблемы авторского права и сделать содержимое (контент) такого хранилища («облака») информации общедоступным, то им можно будет воспользоваться с любого устройства, имеющего доступ в Интернет, и экран, подходящий для чтения найденного контента. «Для меня библиотека будущего — это электронная библиотека на моем коммуникаторе — с поиском, каталогом, рубрикаторм, — сказал основатель широко известной электронной библиотеки Lib.ru Максим Мошков. — Пожалуй, единственное отличие футуристической библиотеки от уже существующих — там должны быть все книги, а не жалкие проценты, как сейчас».

2. Всеохватывающая система поиска

Будет ли информационный контент всего мира содержаться в хранилище одной такой будущей футуристической библиотеки или таких библиотек будет несколько — как бы там ни было, важной задачей является обеспечение эффективного поиска, нахождения и представления необходимой конечно-

¹ <http://digit.ru/technology/20120419/391094532.html>

му пользователю информации. Сегодня всемирной популярностью пользуется система поиска Google, но, как мы все понимаем, она еще далека от ожидаемого идеала, и вполне возможно, что будущая, более совершенная система информационного поиска, будет другой и называться будет иначе.

3. Автоматизированный перевод и интерпретация

Во все времена доступ ко всем знаниям мира имел место один очень существенный барьер — это многоязычие информационных источников, а также терминология, понятная порой только узкому кругу специалистов в той или иной области знаний. Кроме того, проблема перевода усложняется, когда нужно перевести с одного языка на другой не технический, а художественный текст. Поэтому в настоящее время ведется интенсивная работа по созданию более совершенных, чем существующие, систем перевода текста с одного языка на другой.

4. Мультиформатная медиасреда

Обычно под библиотекой подразумевается хранилище печатного текста на бумажном носителе, хотя современные библиотеки накапливают все больше произведений в графическом и аудиовизуальном форматах. Логично предположить, что в библиотеке будущего данные в разных форматах будут органично увязаны. К примеру, пользователю, ищущему «Код да Винчи», будет предложен не только текст книги в электронном формате, но и иллюстрированный путеводитель к ней, одноименный фильм, аудиокнига, форумы фан-клуба читателей и т. д.

5. Персональное устройство чтения

Сегодня для доступа к электронной информации используются самые разнообразные устройства: персональный компьютер, ридер, смартфон, планшет. Однако есть определенная тенденция того, что со временем все эти устройства становятся все более похожими друг на друга. И вполне возможно, что уже в ближайшем будущем роль книги для большинства людей станет выполнять некий универсальный персональный коммуникатор, совмещающий функции компьютера, телефона, навигатора, электронного кошелька, связи ключей, персонального медицинского справочника и т. п.

6. Библиотека-музей

Доля информации в электронном формате постоянно возрастает как в фонде каждой конкретной библиотеки, так и в мировом масштабе. Все больше электронных информационных ресурсов размещается в глобальной информационной сети, в которой те или иные произведения можно найти и получить оперативнее и проще, чем в традиционной библиотеке. Возможно, в будущей эре гаджетов² и элек-

тронных носителей информации бумажные экземпляры книг останутся только в немногочисленных традиционных библиотеках. И сами эти библиотеки трансформируются в некое подобие музеев, где можно соприкоснуться с «настоящими бумажными книгами», ощутить тот особый «библиотечный» запах и атмосферу, за которые многие из нас любят и книгу, и библиотеку. Писатель Павел Крусанов, например, считает, что традиционный формат сохранят только библиотеки государственного значения, где будут храниться редчайшие издания, а книга станет особо ценным объектом, документом эпохи.

7. Мультимедийный центр

Все более популярными становятся различные системы визуализации для отображения разнообразного мультимедийного контента — от интерактивных объемных карт Земли или космического пространства до 3D-моделей знаменитых архитектурных сооружений. Высокотехнологичные средства визуализации — например, сферические проекционные экраны, продвинутое системы дополненной реальности, голографические проекторы — пока слишком сложны и вряд ли станут повседневными предметами обихода в ближайшие годы. Но то, что чересчур дорого для частного применения, может оказаться вполне приемлемым для публичных учреждений, в том числе библиотек.

8. Хранилище ощущений

Возможно, развивая идею мультимедийной библиотеки, где информацию можно воспринимать не только зрительно или на слух, в будущем появятся библиотеки, в которых для восприятия той или иной информации будут необходимы все пять органов чувств человека. Так, например, рестораторы смогут приходить в такую «супербиблиотеку» за идеями новых блюд (чтобы продегустировать коллекцию эталонных вкусов, не потребуется долго корпеть с нужными ингредиентами), а парфюмеры — за каталогом запахов.

9. Клуб для живого общения

Подобный формат работы всегда имел место в библиотеке, но представляется, что с течением времени он будет становиться все более популярным, становясь для человека таким же необходимым в жизни «третьим местом», как и первые два — дом и работа. Уютные залы с книжными стеллажами, мягкими креслами, где можно отдохнуть от городской суеты, выпить кофе, пообщаться с друзьями и найти новых знакомых, постепенно привлекают все больше людей, уставших от обезличенного общения в Интернете.

10. Центр сохранения локальной культуры

В эпоху глобализации вопросы сохранения самобытности и поддержки местной культуры становятся особенно актуальными. Каждый год в мире «умирают» несколько языков, и множество исследо-

² Гаджет (от англ. gadget — приспособление) — небольшие электронные устройства.

вателей предлагают свои решения, как переломить эту печальную статистику. Библиотеки могут взять на себя роль «хранилища» национального языка и локальной культуры конкретного района, не говоря уже об образовательных функциях. «Думаю, что в российской глубинке еще долго сохранятся именно те традиционные библиотеки, к которым мы привыкли, — считает писатель Михаил Елизаров. — Мне кажется, в этом есть некий эстетизм». (Не правда ли, любопытное видение будущего краеведческой библиографии?)

Можно ли считать будущее библиотек, обусловленное перечисленными трендами, успешным и вполне благополучным, а предлагаемый сценарий будущего библиотек наиболее оптимистичным? Также не лишним будет вопрос: «А не получится ли в результате описанных трансформаций что-то другое, не соответствующее тому, в чем было главное предназначение библиотек в течение предыдущих тысячелетий истории человечества, и что обеспечивало их устойчивое развитие во благо общества?». Ведь, согласитесь, не может не настораживать уже то, что в обозначенных выше тенденциях понятие «библиотека» подменяется «облаком», музеем, клубом, тем или иным специализированным центром. Не может не настораживать и то, что указанные выше прогнозы в отношении будущего библиотек построены прежде всего на основе перспективности тех или иных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), которые могут быть использованы в библиотечном деле. Но неужели во врачебном деле медицинский инструмент важнее врача, а в педагогике образовательные, пусть даже и компьютеризированные технологии важнее личности и профессиональных качеств преподавателя? Неужели библиотечная профессия настолько в представлении общества (в частности, писателей и футурологов) не профессия и, по их мнению, библиотекарь будет вполне комфортно чувствовать себя в виде приписка к той или иной технологии, осознавая, что основное его предназначение — ее сопровождение?

Кроме того, мы должны учитывать то, к каким последствиям для библиотечного дела привело развитие ИКТ за последние годы. Еще сравнительно недавно библиотеки были, в принципе, монополистом в плане информационного обслуживания широких слоев населения, а сегодня они все больше и больше теряют свою значимость в сфере информационной деятельности. Сегодняшние реалии таковы, что большинство подростков более продвинуты в использовании современных ИКТ, чем большинство библиотечкарей; не библиотечная система информационного поиска Google при всем своем несовершенстве используется гораздо чаще всех вместе взятых библиотечных каталогов, сопровождаемых десятками тысяч библиотечных специалистов; информационный ресурс глобальной сети Интернет во много раз превышает совокупный ми-

ровой библиотечный фонд, а к ресурсам, например, интернет-сервиса YouTube люди обращаются гораздо чаще, чем, например, в крупнейшую библиотеку мира — Библиотеку Конгресса США. Да, перечисленные в публикации РИА Новости тренды объективны и могут быть реализованы (в принципе, они уже реализуются) в библиотеках, но будут ли они способствовать росту престижа библиотек в обществе и социального статуса профессии библиотекаря? На мой взгляд, вряд ли...

Но что же в таком случае делать и с чего начать? Прежде всего, на мой взгляд, необходимо понимание того, что все вышеприведенные тенденции развития библиотечного дела и сценарии будущего библиотек выводятся из существующей сегодня парадигмы³ библиотечного дела, в основе которой лежит представление о библиотеке как о хранилище информационных ресурсов (документов). Именно поэтому фонд рассматривается в качестве основной, «библиотекоформирующей», составляющей библиотеки; именно поэтому прежде всего с документами (фондом) связана большая часть рабочего времени коллектива каждой библиотеки; именно поэтому и весь наш профессиональный библиотечный язык построен на основе приоритета фонда, книги, документа и информации. Именно поэтому в качестве сущностных (имманентных) библиотечных функций рассматриваются такие, как кумулятивная, коммуникативная и мемориальная (по отношению к документу, естественно). Именно поэтому главная «кузница» библиотечных кадров высшей

³ **Парадигма** (от греч. paradeigma — пример, образец) — это и основополагающая теория в определенной области знания, и исторически сложившееся и наиболее распространенное в данный исторический период мировоззрение.

Процесс поиска истины в науке происходит бесконечно, и наступает момент, когда новый практический опыт и новые идеи кардинально меняют сложившиеся представления о том или ином социально-культурном явлении. **Томас Кун, «Структура научных революций» (1962 г.)**, считал, что развитие науки происходит посредством научных революций, которые представляют собой смену в первую очередь «психологических (объясняющих) парадигм», т.е. взглядов на научную проблему, в результате чего рождаются новые гипотезы и теории.

Но что же
в таком случае
делать и с чего
начать?

Можно ли считать будущее библиотек, обусловленное перечисленными трендами, успешным и вполне благополучным, а предлагаемый сценарий будущего библиотек наиболее оптимистичным?

квалификации называется сегодня «факультет информационно-документных коммуникаций», а в Беларуси 2012 год объявлен Годом книги.

Продекларированная нами, библиотекарями, в конце 1990-х годов смена парадигмы в библиотечном деле от «библиотеки как хранилища» к «библиотеке как пункту доступа к информации» безусловно позитивно сказалась на формах информационно-библиотечного обслуживания. Но примат документа в деятельности библиотеки практически остался нетронутым. Поэтому, если раньше человек, обращающийся в библиотеку, был для нас читателем, то сегодня он для нас пользователь, потребитель информации. «Но и вчера и сегодня он для нас модель⁴ под названием «информационные потребности» человека. Причем, согласитесь, очень упрощенная модель, поскольку исследовать более глубокие взаимосвязи между имеющимся в библиотеке документом (книгой) и ее пользователем (человеком) — к чему, кстати, призывал Н.А. Рубакин, заложивший основы такой научной дисциплины, как библиопсихология⁵, — присуще больше филологам и лингвистам, а не библиотекарям. Если, конечно, не считать собранных библиотекарями коллекций оговорок и ошибок, допущенных нашими читателями при заказе той или иной книги, — но они, скорее, рассматриваются нами как предмет для смеха, а не научного исследования в области психологии читателя.

Парадокс в отношении «информационных потребностей» человека заключается в том, что во всемирно известной «пирамиде потребностей Маслоу», составленной американскими маркетологами в начале 1980-х годов (уже после смерти Абрахама Маслоу, посвятившего изучению человеческих потребностей более 40 лет своей жизни и ряд своих научных работ), такой потребности нет. И вряд ли она там может быть, поскольку ее довольно трудно «вписать» в два обоснованных Маслоу, на основе тщательного изучения человеческой психологии, принципа:

1. Человеческие потребности можно выстроить в иерархическую последовательность.

⁴ **Модель** (от франц. *modele*, от лат. *modulus* — мера, образец) — упрощенное представление того или иного объекта или явления, отражающее его наиболее существенные стороны (характеристики) с целью исследования и предсказания его будущего поведения или развития.

⁵ **Библиопсихология** (от греч. *biblion* — книга и *psyche* — душа + *logos* — учение) — отрасль психологии, изучающая психологические проблемы восприятия текстов на основе библиопсихологической теории — теории восприятия художественного текста с учетом личностного аспекта участников процесса: автор — текст — читатель. Текст при этом рассматривается как стимул для проекции у воспринимающих его читателей психических феноменов и явлений. Читатель интерпретируется не только по признакам интересов, обусловленных спецификой среды принадлежности (класс, сословие, профессия и пр.), но и на основании особенностей переживаний. На их основе предлагается построение психологической типологии читателей.

2. Удовлетворенная потребность больше не служит основным мотивирующим фактором.

Вместе с тем следует признать, что создание такой логической модели человека, как «информационная потребность», исторически было оправданно — благодаря такому подходу в библиотечной теории библиотеки на практике успешно формализовали и компьютеризировали библиотечные процессы обработки документов и предоставления к ним доступа, усовершенствовали и осовременили менеджмент библиотек на основе внедрения бизнес-технологий. Модели играют очень важную роль в человеческом познании, и без них не обходится практически ни один исследователь того или иного явления природы или социальной жизни, того или иного объекта изучения.

Но все модели, как известно, имеют свои ограничения. И, как выразился академик РАН Израиль Моисеевич Гельфанд⁶: «Страшно, что в наш технологический век исходные принципы не подвергаются сомнению, так что когда на их основе строится тривиальная или, наоборот, тонко проработанная модель, на нее смотрят как на полную замену явления природы. При этом, чем лучше сделана модель, тем это хуже для ее применений — ведь давление выхваченных «исходных принципов» выводит модель еще дальше за пределы ее применимости»⁷. И, как отмечает академик, далеко не у каждого, как у хороших врачей, хватает здравого смысла для того, чтобы при лечении не заменять мозг — моделью мозга или нервной системы, или сердце — моделью сердца.

Подчеркну, что у меня и мыслей нет о том, чтобы с библиотекаря снять обязанности хранителя фонда, или что теория документоведения неверна, или что внедрение современных ИКТ в библиотеках последним противопоказано — и то, и другое, и третье важно и для библиотечного дела и для библиотечной профессии. Но ряд связанных с доступом к информации задач, о решении которых долгое время мечтали библиотекари, сегодня уже решены или будут решены в ближайшие годы с помощью современных ИКТ — и все это происходит все больше за рамками библиотечного дела и за стенами библиотек. Поэтому, на мой взгляд, пришло время, когда необходимо переосмыслить приоритеты в библиотечном деле, сформировать новое профессиональное и общественное видение миссии библиотеки и библиотекаря в обществе, новое профессиональное мировоззрение.

⁶ Гельфанд Израиль Моисеевич (1913–2009) — один из крупнейших математиков XX века, биолог, педагог и организатор математического образования. Автор более 800 научных работ, из которых около 100 работ в области биохимии, физиологии и медицины.

⁷ Гельфанд И.М., Два архетипа в психологии человека // Будущее прикладной математики: Лекции для молодых исследователей. От идей к технологиям / Под ред. Г.Г. Малинецкого. — М.: КомКнига, 2008. — 512 с. — С.461-472.

ние библиотекаря и его новый профессиональный язык⁸. То есть необходимо создание всех тех условий (*новой парадигмы*), которые при активной, основанной на них библиотечной практике привели бы, в конечном счете, к реализации наиболее желаемого сценария будущего библиотек, более привлекательного для тех, кто хочет гордиться своей принадлежностью к библиотечной профессии, знать о ее исключительной важности для общества и человека и получать радость от своего труда⁹.

Что же должно быть в фокусе новой парадигмы? Поскольку библиотека — это в самом обобщенном виде коммуникация «документ–человек», а недостатки сегодняшней парадигмы с акцентом на «документе» мы рассмотрели выше, то выбор очевиден — «человек». Какая функция библиотеки в таком случае должна рассматриваться в качестве главной, сущностной, имманентной? Конечно же, культурологическая — или, на мой взгляд, более точно, — гуманистическая. Эта функция всегда присутствовала среди социальных функций библиотеки, но трактовалась в библиотечной теории последних лет если не очень ограниченно, то очень осторожно. Это связано с тем, что такое понятие, как «культура», само по себе очень расплывчато и трактуется неоднозначно. «Если, по мысли Хайдеггера, язык обмануть нельзя (он так или иначе открывает знаменуемые им глубинные смыслы), то само русское слово «культура» наглядно выражает исторические превратности, уже не к слову, но к денотату¹⁰ относящиеся. Понятию этому в нашем языке всегда было крайне неловко и неуютно, что проявлялось хотя бы в невозможности произвести из него достаточно респектабельный эпитет. Мы не можем, к примеру, сказать «культурная история», не попав впросак, поскольку неизбежно выскочат какие-то зощенковские, а отнюдь не возвышенные платоно-кантовские ассоциации. То есть ассоциации с внешним уровнем бытовой образованщины, когда все «культурно», все «как у людей». Но не с тем универсальным полем проникновенного всеобщего понимания

⁸ В свое время Поль Отле призывал создавать и популяризировать терминологию, начинающуюся с корня *document*, более общего, чем *livre* или *biblion*, поскольку в мировой практике недостаточно расширительная трактовка книги привела к созданию отдельной номенклатуры объектов и понятий, не попадавших под категорию «книга».

⁹ Чтобы у читателя не сложилось представление об авторе статьи как об оторвавшемся от реальности мечтателе, хочу отметить, что отдаю себе отчет в том, что, увы, многих работников библиотек существующее положение библиотек в обществе и свое положение в библиотеке вполне устраивает.

¹⁰ **Денотат** (от лат. *denotatum* — обозначаемое) — обозначаемый предмет (например, денотат имени «Утренняя звезда» — планета Венера). В нашем случае — множество явлений действительности (вещей, действий, отношений, свойств, ситуаций, состояний, процессов и т. п.), которые могут именоваться словом «культура».

(Курсив авт.), которое и призвано изначально обозначаться греческим словом «пайдейя» и латинским словом «культура»¹¹. Как отмечал академик Д. С. Лихачев, «большинство людей (в том числе и «государственных мужей») понимают под культурой весьма ограниченный круг явлений: театр, музеи, эстраду, музыку, литературу, — иногда даже не включая в понятие культуры науку, технику, образование»¹². Вместе с тем, по его мнению, культура — это огромное целостное явление, и в понятие культуры должны входить и всегда входили религия, наука, образование, нравственные и моральные нормы поведения людей и государства.

Культура играет очень важную роль в обеспечении устойчивого поступательного развития человеческой цивилизации, которое зависит, прежде всего, от степени зрелости разума и нравственного начала в человеке. Еще великий античный философ Сократ утверждал, что сущность человека заключена не в его теле, а в его душе. Понимая под душой человека его разум, он считал, что главное в ней — знания, поскольку именно они делают человека добродетельным. Порок — это всегда невежество. Невежество — основа предрассудков, заблуждений, неверных стереотипов, неоправданных страхов, подмены понятий — всего того, что мешает обретению человеком гармонии с самим собой, с другими людьми и окружающим миром. Знания дают возможность человеку управлять своими плотскими потребностями, своими инстинктами и тем самым делают его свободным. Поэтому главная функция культуры — функция гуманистическая (*человекотворческая*), как говорили древние, «*culture animi*» — «культивирование души человека».

Какую же позицию занимают библиотекари сегодня по отношению к такой деятельности, как «культивирование души человека»? На мой взгляд, в большинстве своем очень непоследовательную, и главной причиной этой непоследовательности является широкий разброс мнений в библиотечном сообществе относительно такого понятия, как «идеология». Если одни библиотекари отдают себе отчет в том, что любая культурно-массовая работа библиотеки идеологична, то для многих других слово «идеология» почти что матерное, поскольку у них с ним ассоциируются понятия «цензура», «промыывание мозгов», «марксистско-ленинская идеология», а также такие вполне реальные и прискорбные вещи, случавшиеся на протяжении всей истории человечества, как казнь или изгнание инакомыслящих, аутодафе (сжигание) или запрещение их произведений и т. п.

¹¹ Соколов М.Н. Серия «Лики культуры». Психоанализ и культура: Избранные труды Карен Хорни и Эриха Фромма. — М.: Юрист, 1995. — 623 с. — (Лики культуры). — с.621-622.

¹² Лихачев Д.С. Культура как целостная среда // Вестник БАЕ, 2010 № 3. с.40.

Поэтому главная функция культуры — функция гуманистическая (человекотворческая), как говорили древние, «culture animi» — «культивирование души человека».

В качестве примера одна «скандальная история», приведенная в статье Д. Равинского¹³. На открытие Всемирного конгресса библиотекарей в Париже летом 1935 г. для традиционной приветственной речи был приглашен молодой, но уже известный испанский философ Х. Ортега-и-Гассет. Искренне желая помочь библиотекарям и сделать им приятное, он провозгласил «новую миссию библиотекарей»¹⁴, которая, по его мнению, состоит в том, чтобы стать «гигиенистом чтения», защищающим читателя от ненужных книг. Философ считал, что человечество страдает от избытка книг: «В настоящее время читают слишком много: удобная возможность получить без особого, точнее, почти без всякого труда со своей стороны бесчисленные мысли, содержащиеся в книгах или газетах, приучает человека, даже уже почти приучила среднего человека не мыслить самостоятельно, не продумывать вновь то, что он читает, а это как раз и есть единственный способ действительно усвоить прочитанное. Таково самое вредное, самое отрицательное качество книги... Я представляю себе будущего библиотекаря в виде фильтра, который должен встать между бурным потоком книг и человеком».

Речь философа со стороны международного библиотечного сообщества была встречена очень сдержанно, а вскоре появились критические отзывы, призывы «дать отпор хитроумному испанцу» и обвинения его в «протофашизме». Поэтому и сегодня говорить во многих странах на постсоветском пространстве о такой функции библиотек, как «руководство чтением» — это «признак дурного тона»; более корректно употреблять такие выражения, как «информирование», «рекомендация» и т.п. Но при этом полностью игнорируются слова Н.А. Рубакина, которые были смыслом жизни и для него самого, поскольку он вел переписку с 15 000 человек, рекомендуя им литературу для самообразования, и с которыми он обратился около 100 лет назад к работникам книжного дела (в том числе и к библиотекарям): «Все силы книги не в том, чтобы «шевелить мозги и душу», и не в том, чтобы представлять собой, как выражался Н.М. Карамзин, «приятное чтение, не оскорбляющее вкуса», а в том, чтобы книга затрагивала волю. **Затрагивать волю** — в этом и состоит **главная задача книжного дела**. ... побуждать волю, порождать действия, проявлять силу, способную в жизни оставлять свой след...». А оценивая масс-медийную среду, в которую погружен человек сегодня, трудно не согласиться с Х. Ортега-и-Гассетом в том, что «когда читают много и думают мало, книга становится страшно эффективным инструментом фальсификации жизни».

Чтобы нам с Вами, читатель, понимать друг дру-

¹³ Равинский, Дмитрий. Перспективы библиотек. — в журнале «Новое литературное обозрение», 2005, №74.

¹⁴ Ортега-и-Гассет Х. Миссия библиотекаря // Человек читающий. М., 1990. С. 307–325.

га, давайте определимся с понятием «идеология». В книге академика Е.М. Бабосова дано следующее определение:

«Идеология — это система идей, взглядов, представлений, чувств и верований о целях развития общества и человека, а также средствах и путях достижения этих целей, воплощенных в ценностных ориентациях, убеждениях, волевых актах, побуждающих человека (людей) в своих действиях стремиться к целям, которые он (они) перед собой поставил(и)»¹⁵ [1, с. 7].

Обычно мы воспринимаем идеологию как одну из функций государственной системы, но, как видно из приведенного ее определения, это понятие гораздо шире — та или иная идеология связана с жизнью и деятельностью каждого человека, придерживающегося тех или иных идей, рассматриваемых им в качестве своих жизненных принципов и приоритетов. Даже отрицание человеком своего следования тем или иным идеям — это уже сама по себе идея, которой этот человек придерживается. **«Идеология — это еще и рационально-эмоциональное восприятие и оценка мира и жизни, позволяющая человеку найти свое место, определить жизненную стратегию и наиболее приемлемый путь... это и специфический духовный «реактор», вырабатывающий идеалы, цели и ценности, к которым следует стремиться и которые желательно реализовывать в реальной действительности»**¹⁶.

Та или иная идеология начинает формироваться у человека еще в раннем детстве, когда его родители объясняют ему, «что такое хорошо, и что такое плохо». Затем своеобразную эстафету в плане формирования идеологии подхватывают воспитатели в детских садах, учителя в школе, преподаватели в вузах, а параллельно с ними — друзья, соседи, знакомые... и, конечно же, средства массовой информации. Многие люди имеют полное право не задумываться над такими понятиями, как «идеология», или, точнее, оперировать ими на уровне обыденного сознания, повторяя расхожие «истины» и не загружая свой мозг анализом идейной основы того или иного социального явления или исторического события. Они могут даже вообще не подозревать о существовании идеологии своей жизни в той или иной ее форме. Но для тех, кто вовлечен в процессы образования и воспитания — а это в равной мере относится и к библиотечной профессии, и к родительским обязанностям, — те или иные идеи должны быть четко и определенно сформулированным, ясно и аргументированно выраженным.

Является ли идеологическое направление деятельности библиотек, как многие утверждают, «изо-

¹⁵ Бабосов Е. М., Основы идеологии современного государства / Е. М. Бабосов. — 2-е изд., доп. — Минск.: Амалфея, 2004. — 448 с. — с. 7.

¹⁶ Там же, с. 8

Я представляю себе будущего библиотекаря в виде фильтра, который должен встать между бурным потоком книг и человеком.

бретением коммунистического режима» или же оно начало реализовываться гораздо раньше? А также предлагаю подумать над вопросом: а не этому ли направлению библиотеки обязаны своей живучестью?

Как мы знаем, всемирная история библиотек насчитывает тысячелетия, и вполне понятно, что раз библиотека — общественный институт, то в основе долговременной ее жизнедеятельности лежит заинтересованность в ней общества и, как свидетельствует история, заинтересованность общества в ней как в хранилище. Но, хотя, по определению, библиотека трактуется как хранилище книг, на протяжении тысячелетий хранились в ней самые разные по форме объекты: глиняные таблички, папирусные свитки, пергаментные кодексы и машиночитаемые диски, и, следовательно, в качестве самого ценного в библиотеке рассматривались во все времена не хранящиеся в ней носители информации (сведений, знаний), а, прежде всего, их содержимое. Содержимое, которое способствовало бы общественному спокойствию (гармонии), а также росту материально-благополучия того или иного народа. Книги, которые соответствовали этим целям, хранились; книги, которые, как считалось, противоречили этим целям, уничтожались. Книги ценились грамотными и просвещенными людьми и в то же время не представляли никакой ценности для неграмотных, которые порой если и признавали ценность книги, то в качестве какой-нибудь подставки для чего-либо или материала для самокрутки. Так что неоднозначное отношение к книге — и, соответственно, к библиотеке — было в обществе всегда. И начало XXI века в этом плане не исключение.

Поэтому первый важный вывод, который я предлагаю сделать, анализируя всемирную историю библиотек, это то, что библиотека в обществе нужна (и важна) просвещенному человеку (будь то правитель в Древнем Вавилоне, жрец в Древнем Египте, философ в Древней Греции и Древнем Риме, арабский халиф и его придворные на Древнем Востоке, монах в средневековой Европе... и так можно перечислять вплоть до наших дней).

И второй важный вывод: библиотека всегда была хранилищем и средством распространения идей — в начале библиотечной истории среди уз-

кого круга избранных («посвященных») для передачи от шумерского правителя его наследнику или для их использования древнеегипетскими идеологами-жрецами, которые называли библиотеку «аптекой для души», а, по мере развития человеческой цивилизации, охватывая все более широкие слои населения. И, конечно же, идей, полезных с точки зрения того или иного государства, того или иного исторического периода. Почему, например, к нам из далекого прошлого дошли в основном религиозные произведения? Потому что «основными хранителями и переписчиками книг в Древней Руси были монахи, менее всего заинтересованные в хранении и переписке книг мирского (светского) содержания. И это во многом объясняет, почему подавляющее большинство дошедших до нас произведений носит церковный характер. Последние всячески поддерживались и распространялись, так как содержали непреходящие ценности (Курсив авт.) религиозной догматики, философии и этики, а первые (мирские), за исключением официальных юридических и исторических документов, объявлялись «суетными»¹⁷.

Начало эпохи Возрождения связано со средневековой Италией, куда из захваченного турками Константинополя были вывезены собрания античных книг, благодаря которым в итальянском обществе пробуждается интерес к изучению греческого и латинского языков, и произведения античных авторов пользуются огромным спросом. И из всех стран феодальной Европы, которая в то время уже утратила связи с античным миром, Италия первой обратилась к античным идеалам, к идеалам свободной личности. «Усилиями гуманистов и натурфилософов от Петрарки и Боккаччо, Вали и Альберти до Леонардо да Винчи, Макьявелли и Бруно была создана новая идеология (Курсив авт.) и философия, ориентированная, в отличие от средневековой системы знания, на проблемы человека, на опытное познание мира. Гуманизм стал мировоззрением ренессансной культуры»¹⁸.

Эпоха Реформации ассоциируется прежде всего с именем священника и просветителя Мартина Лютера, который считал, что книга играет важную роль в формировании сознания христианского человека. Кроме того, главной единицей социальной жизни в эпоху Реформации становится город, а городу нужны были образованные горожане. Поэтому М. Лютер рассматривал библиотеки как важный элемент развития немецких городов и писал в своих сочинениях: «И наконец, всем тем, кто мог бы это сделать, нужно, пожалуй, подумать о том, что в немецких землях... следует... не останавливаясь перед затратами, открывать в больших городах биб-

¹⁷ Кусков В.В. История древнерусской литературы: Учеб. для филол. спец. вузов. — 6-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 1998. — 336 с.:ил.

¹⁸ История Европы. Т.1 Древняя Европа. — М.; Наука, 1988. — 704с. — с.16.

лиотеки, которые устраивали бы всех»¹⁹.

В XVII — XVIII вв. в Европе формируется модель национального государства, что подразумевает рассмотрение нации как общности граждан, объединенных общим (государственным) языком, и создается новый (особый) институт государственности — Национальная библиотека, основное предназначение которой сохранение «национальной памяти». В Национальных библиотеках хранятся наиболее ценные рукописные и печатные книги страны, и, конечно, не только с целью научных исследований, но и как национальные раритеты с целью формирования национального самосознания народа этой страны, его исторической и культурной памяти.

XVIII в. — это век Просвещения. Для передовых мыслителей эпохи Просвещения, ставших «властителями дум» нескольких поколений европейцев, путь к будущему строю общественной и личной гармонии лежал через распространение просвещения, приобщение всех и каждого к образованию и культурным ценностям. Образование считали тогда панацеей от всех социальных неурядиц, и не случайно XVIII век стал временем расцвета социалистических утопий. Конец же XVIII века ознаменовался Великой Французской революцией и введением в научный оборот термина «идеология» (от греч. «идея» — прообраз, идея и «логос» — слово, разум, учение) французским философом и экономистом Дестютом де Траси, который будучи сотрудником Национального института Франции, объединявшим наиболее выдающихся ученых и философов страны того времени, пытался осмыслить возможные пути ее развития²⁰. Занимаясь главным образом

¹⁹ Володин, Б. Ф. Всемирная история библиотек / Б.Ф. Володин. — СПб. : Профессия, 2002. — 352 с.

²⁰ Хорина Г.П. Идеология как элемент системы культуры. — Режим доступа: http://tourism.mosgu.ru/o_fakultete/kafedra/cultural/Nayka/Horina.htm Время доступа: 10.08.2012.

созданием новой программы национального образования, он полагал, что она должна базироваться на науке об идеях, причем идеях истинных, на основе которых можно построить гармоничное общество. Свое понимание идеологии он изложил в «Элементах идеологии» (1801). Однако создать такую науку, определяющую собой жизнь общества, его возможную трансформацию на основе общечеловеческой, объективной истины, без учета различия интересов наций, классов, социальных групп, и вне связи с ними было невозможно. Поэтому идеология как наука была поставлена под сомнение, а позже и вообще объявлена лженаукой, не имеющей практического значения, особенно для политики и политиков. В ее дискредитации принял самое активное и деятельное участие Наполеон, который вначале поддержал деятельность Национального института и даже гордился тем, что является его почетным членом. Но когда революция пошла на спад, а Наполеон стал Первым консулом, выступления Д. де Траси и его соратников по проекту в защиту политического либерализма и республиканского строя сделали их идейными противниками императора. Лозунги «свобода, равенство, братство» уже расценивались как ненужные и вредные, поскольку Наполеон I Бонапарт все больше убеждался в том, что революционные лозунги противоречат практическим политическим действиям возглавляемой им империи. Как политик он был убежден в ложности идеи о том, что политика может быть выведена из определенных априорных принципов. Ученые Национального института были объявлены отказавшимися от идеалов революции фанатиками, разрушителями, которые подрывают устои политической власти в стране. Резкая критика Наполеоном I Бонапартом идеологов (хотя он и сам претендовал на авторство термина «идеолог») положила начало существующей и ныне на Западе традиции негативного, уничижительного отношения к идеологам и самому термину «идеология».

Но вернемся к библиотекам и отношению к ним в эпоху Просвещения. Великая Французская революция, имевшая огромное значение для последующей истории Европы, объявила все книжные богатства страны народным достоянием и определила важность и необходимость общественных библиотек в Европе — двери библиотеки должны быть открыты для всего народа. И если в конце XVIII века это положение было выражением охватившего французский народ «чувства братства», то к концу XIX столетия оно определялось уже «соображениями государственной мудрости и экономического расчета».

Великая Французская революция привела к тому, что Европа на долгие годы стала ареной военных действий и революционных потрясений. И как одно из следствий всех этих драматических событий все большую популярность к середине XIX века обретает идея создания по-настоящему публичных библиотек, финансируемых за счет налогов и поддерживаемых государствами, пережившими мно-

гочисленные депрессии в экономической жизни, неурожайные годы, войны и революции. Мэтью Бэттлз (Matthew Battles) пишет: «В эти годы классовых конфликтов и экономического террора движение по созданию публичных библиотек охватило всю Британию, поскольку прогрессивная национальная элита осознала степень ограниченности источника культурной и интеллектуальной энергии в жизни простого народа»²¹.

В своих представлениях о том, какое место занимает идеология в деятельности библиотек США, на мой взгляд, следует в качестве отправной точки исходить из того, что у всех «отцов-основателей» этого государства в личных библиотеках были труды выдающихся мыслителей эпохи Просвещения, идеи из которых были активно использованы при государственном строительстве. С их стороны всегда было понимание того, насколько серьезна угроза республиканскому строю и федеративному устройству страны со стороны неграмотного, непросвещенного населения. Кроме того, стране нужно было развивать экономику, промышленное производство, чтобы обеспечить достаточно высокий уровень благосостояния граждан страны, а для решения этой задачи также необходимо было грамотное, просвещенное население. В США в 1859 г. было уже 1297 общественных (публичных) библиотек с совокупным фондом в 4 млн. книг, в 1885 г. — 2988 библиотек с фондом в 20 млн., в 1900 г. — 5383 библиотеки с 46 млн. книг, в 1907 г. — 5640 библиотек с 62 млн. книг. Как отмечал в своем докладе «Положение библиотечного дела в России и других государствах», прочитанном «в 1-м публичном собрании 1-го июня 1911 г.» библиотекарь Императорского Харьковского Университета К. И. Рубинский: «Американцы и англичане отлично поняли, что библиотеки представляют новую социальную силу, которая должна вести страну все к большему и большему прогрессу. В обеих странах для общественных библиотек выстроены роскошные здания, напоминающие собою дворцы. Библиотеки построены по планам, выработанным библиотекарями, и при том так, чтобы читатель находил в них возможный комфорт... Нас удивляет культурный рост Соединенных Штатов, экономический прогресс этой страны. Нам следует обратить внимание на ее библиотеки. Благодаря им все, что выходит нового в области, науки, техники, торговли, промышленности, хозяйства — все немедленно становится известным всем и каждому...»²².

Можно вполне определенно сказать, что деятельность публичных библиотек США вчера и сего-

²¹ Matthew. Library: An Unquiet History. New York, N.Y.: Norton, 2004, p. 135.

²² Рубинский, К.И. Положение библиотечного дела в России и других государствах. // Труды Первого Всероссийского съезда по библиотечному делу, состоявшегося в С.-Петербурге с 1-го по 7-ое июня 1911 г.: в 2 ч. / О-во библиотекосведения. — С.-Петербург.: Б. и., 1912. — VI, 224, 440 с.

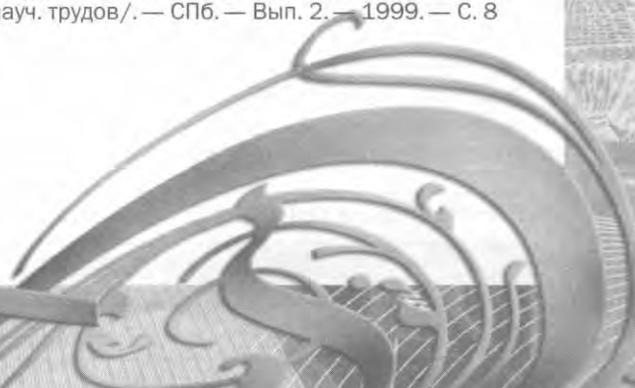
дня базируется на следующих основных идеях:

- между знаниями и правильным мышлением есть тесная связь;
- будущее демократии в стране зависит от ее образованных граждан;
- существует тесная взаимосвязь между состоянием сети публичных библиотек и народным образованием;
- каждый гражданин имеет право доступа к принадлежащим всему сообществу ресурсам.

В России идея учредить общественные (публичные) библиотеки возникла еще в 1830-е годы, и в нескольких губернских городах такие библиотеки были открыты при участии губернаторов. Но широкой поддержки она так и не получила ни со стороны общества, ни со стороны правительства: не было для таких библиотек ни помещений, ни каталогов, ни библиотекарей, ни, судя по отчетам чиновников губернского правления, читателей. Реформы 1860-х годов послужили основой нового интереса со стороны просвещенных людей России к публичным библиотекам. Тогдашняя пресса неоднократно поднимала вопрос о необходимости повсеместной организации народных библиотек для приобщения к знаниям взрослого населения, и обсуждалось несколько направлений создания библиотек. Например, высказывались мнения о том, что сельские священники «без сомнения, не откажутся принять на себя также труд распространения полезных и назидательных книг в народе», что они «лучше других могут понять и оценить всю важность этого дела», и выдвигалась идея: «необходимо учредить при каждой церкви библиотеку для народного чтения»²³. При этом одни считали необходимым, чтобы литература в такой библиотеке была исключительно религиозной по содержанию. Другие же, напротив, высказывались за допущение в библиотеку книг светского содержания.

О том, насколько сложно проходило становление публичной библиотеки в России, можно судить по приведенному в докладе К.И. Рубинского примеру Харьковской общественной библиотеки, которая «целых 15 лет со времени своего учреждения ютилась в наемных помещениях, представлявших всевозможные неудобства; она познакомилась и с сыростью и с темнотою; ее посетителям приходилось взбираться на 3-й этаж по крутой лестнице и с трудом находить себе место в читальном зале,

²³ Абрамов В. Ф. Земские библиотеки в России // История библиотек: Исследования, материалы, документы: сб. науч. трудов. — СПб. — Вып. 2. — 1999. — С. 8

где на одном стуле сидело по два человека... Одним словом, можно сказать, что в сравнении с тем, что представляет библиотека в Америке и Англии, наши общественные библиотеки являются лишь жалким подражанием, и их существование свидетельствует о необыкновенном запасе энергии и сил представителей нашего интеллигентного общества, во что бы то ни стало поддерживающих свое дело...». Единственный надзор за ними со стороны царского правительства заключался «не в том, чтобы содействовать их развитию, а в том, чтобы не допускать обращения в библиотеках книг, не дозволенных цензурою». В 1890 г. им был доведен список книг, которые не разрешалось выдавать в библиотеках, но которые продавались в магазинах. Но «еще более жалкие условия» сложились для народной библиотеки в деревнях. «Русский крестьянин и библиотека, русская деревня и книга — какие это трудно соединимые понятия до сих пор!.. Водка — неотъемлемый атрибут русской деревни, книга и чтение до сих пор представляют необычное явление в ней...».

Благодаря совместным усилиям земств и обществ грамотности число народных библиотек в России постепенно росло: в 1892 г. их было только 138, в 1898 г. — уже 3000, в 1904 г. — 4500, не считая библиотек при школах. «Но что могут сделать эти 4,5 тысячи маленьких библиотечек» в стране, где в среднем одна школа приходится на 400 квадратных верст, где остается без образования 15 млн. детей школьного возраста? «И ясно, что земства бессильны двинуть быстрее это дело, в высшей степени важное для прогресса страны; ясно, что это дело ждет поддержки государства», — восклицает в своем докладе К. И. Рубинский. К сожалению, вплоть до Октябрьской революции — или, если угодно, переворота, бунта — в России так и не удалось создать библиотечную сеть, хоть в какой-то мере сопоставимую по масштабам с территорией и народонаселением самой империи. На I Всероссийском съезде по библиотечному делу в 1911 году должна была выступить Л. Б. Хавкина с докладом на такую примечательную тему, как «Публичные библиотеки в России. Их современное положение и идеалы будущего», однако, принять участие в его работе ей не довелось, поскольку ей не дали разрешение на въезд в Петербург на время съезда²⁴.

Кто знает, возможно, нежелание царского правительства способствовать развитию библиотечного дела в стране привело к тому, что произошедшая в 1917 г. революция была в Российской империи такой кровавой?

Сегодня многие отрицательно относятся к определенным страницам истории библиотечного строительства во времена СССР, «заидеологизированности» библиотек в советском обществе — и во многом они правы, — но я все же позволю себе напомнить, с чего вся эта история начиналась.

²⁴ Григорьев Ю. В. Л. Б. Хавкина. — М. 1973. — С. 14.

В своих воспоминаниях о встрече с В. И. Лениным в 1920 г. Клара Цеткин приводит следующие его слова: «... Мы не только «снимали головы», как в этом обвиняют нас меньшевики всех стран и на вашей родине Каутский, но мы также просвещали головы; мы много голов просветили. Однако «много» только по сравнению с прошедшим, по сравнению с грехами господствовавших тогда классов и клик. Необъятно велика разбуженная и разжигаемая нами жажда рабочих и крестьян к образованию и культуре. Не только в Питере и в Москве, в промышленных центрах, но и далеко за этими пределами, вплоть до самых деревень. А, между тем, мы народ нищий, совершенно нищий... В то время как сегодня в Москве, допустим, десять тысяч человек, а завтра еще новых десять тысяч человек придут в восторг, наслаждаясь блестящим спектаклем в театре, миллионы людей стремятся к тому, чтобы научиться по складам писать свое имя и считать, стремятся приобщиться к культуре, которая обучила бы их тому, что земля шарообразна, а не плоская и что миром управляют законы природы, а не ведьмы и не колдуны совместно с «отцом небесным»... Миллионы детей подрастают без воспитания и образования. Они остаются такими же невежественными и некультурными, как их отцы и деды.

Сколько талантов гибнет из-за этого, сколько стремлений к свету подавлено! Это ужасное преступление с точки зрения счастья подрастающего поколения, равносильное расхищению богатств Советского государства, которое должно превратиться в коммунистическое общество. В этом кроется грозная опасность...»²⁵. Выступая на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (май 1919 г.) с приветственной речью, В. И. Ленин отметил: «Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку... В этом малом деле отражается основная задача на-

²⁵ Цеткин, Клара. Воспоминания о Ленине. — Режим доступа: http://www.hrono.ru/libris/lib_c/cetkin_lenin.php. Время доступа: 08.08.2012.

«Русский крестьянин и библиотека деревня — какие это понятия до сих пор...»

«Мы должны использовать те книги, которые у нас есть, и приняться за создание организованной сети библиотек, которые помогли бы народу использовать каждую имеющуюся у нас книжку...»

шей революции (Курсив авт.)»²⁶. И это были не только «прекрасные слова» на публику. Декрет Совета Народных Комиссаров «О централизации библиотечного дела» от 3 ноября 1920 г. заключал в себе сформулированный В.И. Лениным всеобщий закон организации библиотечного дела как планомерно организованной системы, вытекающей из всей истории развития библиотечного дела и его постановки к этому времени.

И вряд ли кто будет оспаривать тот факт, что ко времени распада СССР библиотечная сеть страны была самой развитой в мире. Но, с другой стороны, советские библиотекари руководствовались в своем сотрудничестве, скорее, ведомственным подходом, так и не создав единое, объединенное общей профессией и ее ценностями сообщество, мероприятия которого бы, как озвучил в своем докладе К.И. Рубинский, «укрепляли энергию библиотекарей, выясняли пред ними те цели, к которым они должны стремиться». И почему такого библиотечного сообщества не было, тоже понятно — в СССР жила единая общность — советский народ, объединенная «единственно верной» марксистско-ленинской идеологией, и поэтому в другой, профессиональной идеологии как бы не было необходимости.

И сегодня, кстати, один из основных, «идеологических» вопросов, определяющих будущее библиотек — в чем заключаются ценности библиотечной профессии, признавая которые и следуя которым в своей практической работе библиотекарь осознает, что он именно библиотекарь, а не работник информационно-библиотечного центра, программист или администратор баз данных? Принятый Белорусской библиотечной ассоциацией (ББА) Кодекс профессиональной этики библиотекаря все же имеет другое предназначение и не дает ответ на этот вопрос.

Итак, библиотека как социальный институт общества всегда была идеологическим учреждением. Что дает нам ясное понимание этого? Оно приводит нас к вопросу о том, какой же идеологии должны придерживаться библиотеки? Здесь широкое поле для рассуждений, но я бы предложил исходить в них из того, что библиотека — это учреждение культуры. Культура и просвещение — это те механизмы, которые обеспечивают устойчивое развитие человеческой цивилизации, предохраняя человечество от возвращения к первобытному состоянию. Сами эти механизмы не являются некой системной данностью и постоянно меняются: либо усложняются и развиваются, либо деградируют и разрушаются. Поэтому библиотеки и библиотекари призваны защищать культуру и активно заниматься просветительской деятельностью.

Кроме того, в обществе культура играет роль своеобразной программы (предписания) деятельности и поведения человека, и благодаря этому

обеспечивается как развитие отдельного человека, так и всего человечества²⁷. Как известно, объединения даже высших животных не развиваются, и поэтому невозможно даже обозначить менее или более прогрессивные формы таких объединений. Человек — это, бесспорно, тоже биологический организм, в котором заложены все основные биологические инстинкты, требующие своего удовлетворения, но в то же время человеческое общество живет и развивается совершенно иным, чем сообщества животных, образом. Уже в первобытной общине поведение людей определялось, помимо биологических инстинктов, нормами, которые не просто сосуществовали с этими инстинктами, а регулировали и контролировали их проявление, ограничивали их действие — иными словами, были более важными, чем инстинкты, императивами²⁸. В качестве таких императивов всегда выступали интересы, потребности общества, которые влияли на формирование человека как личности, как общественного существа. Например, такие как обращенное к каждому члену общины требование делиться всей добытой им пищей со всеми остальными ее членами или строжайший запрет промискуитета²⁹.

Интересы, потребности общества находят свое выражение в виде нравственных ценностей общества — социально одобряемых и разделяемых большинством людей представлений о том, что такое добро, справедливость, патриотизм, любовь, дружба и т.п. Ценности выражают то, как должен быть устроен мир и каким должен быть человек. Они не подвергаются сомнению, служат эталоном и идеалом для всех людей. Если верность является ценностью, то отступление от нее осуждается как предательство. Ценности представляют собой разделяемые многими людьми убеждения относительно целей, к которым следует стремиться, и на их основе формируются нормы поведения. Культурные нормы и ценности тесно взаимосвязаны. Ценности всегда переводятся обществом на язык предписаний. Предписания — запрет или разрешение что-либо сделать — обращены к индивиду или группе людей и могут быть выражены в устной или письменной форме, формальным или неформальным образом. Ценности — это то, что оправдывает и придает смысл нормам. Жизнь человека — ценность, а ее охрана — норма. Ребенок — социальная ценность, забота родителей о нем — социальная норма. Одни нормы очевидны на уровне здравого смысла, и люди исполняют их не задумываясь, другие же требуют от человека интеллектуального и эмоционального напряжения и серьезного нрав-

²⁷ Семенов, Ю.И. Личность, общество, культура / Философия и общество, 2001, №3.

²⁸ **Императив** (от лат. *imperatives* — повелительный) — повеление, настоятельное требование.

²⁹ **Промискуитет** (от лат. *promiscuous* — смешанный, общий) — половые отношения с членами своего рода.

²⁶ Ленин В.И. Сочинения. Т.29, с.309-310.

Предписания — запрет или разрешение что-либо сделать, обращены к индивиду или группе людей и могут быть выражены в устной или письменной форме, формальным или неформальным образом. Ценности — это то, что оправдывает и придает смысл.

Жизнь человека — ценность, а ее охрана — норма. Ребенок — социальная ценность, забота родителей о нем — социальная норма.

ственного выбора. Уступать пожилым людям место или здороваться при встрече со знакомыми людьми выглядит очевидным. Однако остаться с большой матерью или идти воевать за освобождение родины — мучительный для героя одной из пьес французского писателя и драматурга Ж.-П. Сартра выбор между двумя фундаментальными нравственными ценностями. Разные культуры могут отдавать предпочтение разным ценностям (героизму на поле боя, материальному обогащению, аскетизму, коллективизму или индивидуализму). Каждое общество само вправе устанавливать, что является ценностью для его граждан, а что — нет, и единственный критерий, подтверждающий правильность выбора, — это историческая практика, одни народы выживали и развивались, другие же исчезали. Поэтому библиотекаря важно знать развитие человеческой цивилизации в ретроспективе и способствовать формированию в обществе тех ценностей, которые исторически уже доказали свою состоятельность.

Академик И. М. Гельфанд писал, что только прожив значительную часть своей, связанной с научной деятельностью жизни, пришел к мысли о том, что есть два основных архетипа человечества — это мудрость и разум. Разум приводит нас к решению многих появляющихся в обществе проблем с помощью науки, но, похоже, мудрость, даже на уровне первобытного общества, позволяла последнему их избегать. Поэтому и человек — хочу от себя добавить — в силу тех или иных причин (обстоятельств) — может быть начитанным, но далеким от мудрости, и что такое «мудрость человечества», на мой взгляд, очень важно осознать нам, библиотекарям, чтобы наша миссия в обществе была успешной.

Какие же практические задачи в свете новой, предлагаемой парадигмы библиотечного дела с акцентом на его гуманистическую функцию в обществе, на мой взгляд, сегодня актуальны и достаточно масштабны для того, чтобы положительно сказаться на социальном статусе библиотечной профессии?

Прежде всего отмечу, что социальный феномен культуры многозначен, и нам предстоит много работы даже в плане того, чтобы определиться со многими ее понятиями. Но уже из вышеизложенных представлений о миссии культуры в обществе и с учетом наиболее важных проблем современного общества и человека мы можем вывести следующую актуальную проблематику библиотечного дела на сегодняшний день и на перспективу:

- 1) защита культурных ценностей;
- 2) реализация общечеловеческой культуры как «универсального поля проникновенного всеобщего понимания»;
- 3) формирование новой трансграмотности человека в информационном обществе.

Поскольку библиотеки — учреждения культуры, то вполне естественно, что они уже участвуют в решении этих задач, но, согласитесь, эта деятельность

не носит для них приоритетного характера, и поэтому порой создается впечатление, что общество живет своими проблемами, а библиотеки — своими. Если мы говорим о защите культурных ценностей, то, как правило, речь идет о ценностях национальной культуры, которая, безусловно, бесценна и важна, но при этом все же представляет только часть общей культуры, культурной среды современного человека. Увы, но для общества нет очевидных свидетельств понимания библиотекарями того, что весь мир сегодня живет в эпоху коренной ломки вековых ценностных ориентаций³⁰, которые на протяжении всей истории человечества обеспечивали его поступательное развитие. Например, раннебуржуазная и марксистско-ленинская этики рассматривали труд как основу развития человека и общества — и в той и другой этиках человек, который не трудится, достоин презрения. Социологи и экономисты прошлого считали свободное время граждан мерилем благосостояния и процветания общества, предполагая, что это свободное время будет потрачено людьми на свое духовное, нравственное, интеллектуально-эмоциональное совершенствование (*стоит ли говорить, что и библиотеки были бы в таком случае востребованы?*) — поэтому и социализм и коммунизм виделись им вполне осуществимым делом. Но, к сожалению, действительность оказалась другой — сегодня мы все живем в «обществе потребления», и во многих цивилизованных странах говорят о крушении «этики труда», поскольку постепенно в общественном сознании укрепилось другое представление: труд — не самое насущное для человека. Прежде всего нужны деньги, чтобы развлекаться и наслаждаться радостями жизни, а деньги можно получить и не трудясь в «поте лица своего», а просто — если улыбнется удача. Сегодня во всем мире сетуют на отсутствие трудолюбия и размышляют над тем, как вернуть труду статус сверхзначимой жизненной ориентации. *Обеспокоены ли библиотекари этой проблемой?*

Уже длительное время человеческое общество развивается под влиянием научно-технического

³⁰ Гуревич П.С. Психология чрезвычайных ситуаций.: учеб. Пособие для студентов вузов / П.С. Гуревич. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. — 495с. — с.380.

прогресса, но никогда ранее оно не было настолько сильным как сегодня, когда всему находится научное объяснение. Долгое время положительные качества человека рассматривались как приобретенные благодаря усилиям и стремлению как самого человека, так и заинтересованного в этом общества, которое, кстати, до сих пор считало, что и библиотеки играют в этом процессе определенную роль. Сегодня же наука объясняет такие важные качества в характере человека, как доброту и альтруизм, мутацией определенных генов³¹. Мы можем гордиться достижениями науки, но при этом нельзя забывать и то, что человек — это не только разум, этакая кибернетическая машина — он гораздо сложнее. Все те творческие силы, которые человек древности посвящал мифам и религии, современный человек вкладывает в науку и технику. Благодаря этому «мы стали богатыми в познаниях, но бедными в мудрости»³². Трудно не согласиться со словами Эрнста Неизвестного: «Я глубоко убежден, что мы живем в предчувствии какого-то осевого времени, в тот момент, когда все идеологии, большинство религий и все экономики исчерпали себя, исчерпали не в смысле эффективности (хотя в смысле эффективности тоже), а в смысле духовного потенциала, который несли раньше христианство, иудаизм... Должно начаться что-то новое. Вот слоган был: «бытие определяет сознание». Это, конечно, абсурд, но это слоган, который двигал массы, или другой: «ударил по правой щеке, подставь левую» — тоже слоган, тоже двигал человечество...

А назовите мне хоть один слоган, который вел бы людей сейчас?...»³³. Какой слоган могут предложить сегодня библиотеки, которые позиционируют себя в обществе как учреждения культуры, учреждения,

³¹ Доброта оказалась мутацией. — Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2011/11/15/1010879.shtml> Время доступа: 23.11.2011.

³² Сухарев В.А. Психология интеллекта. — Донецк: Сталкер, 1997. — 416 с. — с.61.

³³ Обстоятельства жизни. Бронзовый век Эрнста Неизвестного ... // STORY, 2012, №5. — С. 32-42. — С.42.

выполняющие гуманистическую функцию?

Реализация общечеловеческой культуры как «универсального поля проникновенного всеобщего понимания» сегодня также является актуальной задачей для всех учреждений культуры, поскольку сегодня мировое сообщество живет в мире глобальных проблем и небывалых до настоящего времени возможностей не только их решения, но и своего качественно иного развития. Достижение такого уровня требует утверждения в мировом сообществе новых общекультурных ценностей, которые объективно существуют, но требуют длительной, напряженной и деликатной работы для того, чтобы они стали императивами в отношениях между людьми и государствами. И для библиотек в этом плане обширное поле деятельности, которая, безусловно, будет приветствоваться обществом и будет высоко им оценена.

Современные ИКТ настолько кардинально изменили образ жизни человека за последние годы, что вполне справедливо будет говорить о новой для человека среде обитания. И если раньше человеку для того, чтобы быть успешным в жизни, необходимо было овладеть умениями читать и писать, то сегодня список таких грамотностей расширился и все более популярным становится термин «транслаитерность (*transliteracy*)». Современный гражданин информационного общества должен обладать такими грамотностями, как компьютерная, информационная, правовая, медицинская, психологическая, философская и т.п. Эти грамотности человека должны формироваться в школе, но библиотеки должны их поддерживать и развивать на протяжении всей его жизни. В этом, на мой взгляд, главное назначение библиотеки как «клуба для живого общения», центра социальной коммуникации и т.п. Такое понимание библиотеки предполагает и особые требования к библиотекарю, который не просто должен предоставить помещение, но создать и реализовать в библиотеке пространство просвещения и продуктивного диалога.

Если бы библиотеки показали себя обществу понимающими вышеперечисленные (и многие подобные неуказанные) проблемы современности, активно участвующими в их решении, то не было бы даже повода к написанию книг, подобных книге четырех экспертов в области менеджмента культуры в Германии Дитера Хазельбаха, Армина Кляйна, Пиуса Кнюзеля и Штефана Опица «Культурный инфаркт: Слишком много всего и везде одного и того же» о провале культурной политики страны. Авторы предложили радикальное решение проблемы — закрыть половину музеев, театров и библиотек, существующих за государственный счет³⁴.

Безусловно, понимание библиотекарем сво-

³⁴ Культурный инфаркт. — Режим доступа: <http://lenta.ru/articles/2012/03/29/kultur/> Время доступа: 23.05.2012.

А назовите мне хоть один слоган, который вел бы людей сейчас?..

ей гуманистической миссии в обществе налагает на него самого определенные обязательства, потому что «любую хорошую идею можно опозлить ее плохим исполнением», и не следование библиотекарем в реальной жизни декларируемым им на словах культурным и духовным ценностям вредит его работе как ни в какой другой сфере деятельности. Мы часто говорим об имидже библиотекаря, главными составляющими которого являются профессиональные и личностные качества библиотечного работника. Много внимания и времени уделяется развитию его профессиональных качеств (компетенций), и в то же время практически отсутствует деятельность по формированию его идейно-нравственных качеств, которые не менее важны для специалиста, задействованного в сфере образования и воспитания. Может быть, поэтому, чаще всего, нарекания со стороны наших пользователей вызывает не недостаточный технологический уровень предоставляемых библиотечно-информационных услуг, а недостаточная комфортность их общения с библиотекарем.

В таком случае, к какому идеалу профессионала в библиотечном деле должен стремиться библиотекарь? Ответом на этот вопрос, на мой взгляд, является определение понятия «библиотечная интеллигентность», данное профессором А. В. Соколовым, бывшим в 1989–1993 гг. президентом Петербургского библиотечного общества:

«Библиотечная интеллигентность — интегральное качество личности, включающее на уровне соответствующего поколения русской интеллигенции
 а) образованность и книжную культуру,
 б) креативность,
 в) альтруистическое этическое самоопределение в виде осознанного общественного долга, коммуникационной толерантности, благоговения перед Книгой»³⁵.

Поясним значение некоторых приведенных терминов:

- **Альтруизм** понимается как ответственность за благополучие не только свое собственное и своих близких, но и других людей, общества, человечества в целом.
- **Толерантность (ненасилие)** — межнаучное понятие, принятое в политологии, этике, культурологии, психологии. Здесь толерантность понимается как отказ от насилия и «отрицание

³⁵ Слово «Книга» написано с заглавной буквы, хотя куда более широко используется написание этого слова, начиная со строчной буквы. Слово «Библия» (с древнегр. «книги») тоже имеет две формы написания. Форма написания определяет и отношение к написанному, поэтому термин «библиотека» может рассматриваться как производное и от («библио» (книга) + «тека» (хранилище)) и от («Библия» (книги) + «тека» (хранилище)), но, думаю, во втором случае многие профессионалы библиотечного дела не стали бы называть библиотеку «информационно-библиотечным центром», «центром локальных культур» и т.п.

принуждения как способа взаимодействия человека с миром, природой, другими людьми». Толерантность не означает примирения со злом, потакание злу своим бездействием. Напротив, она предполагает противодействие злу словом и неповиновением, но никак не силой оружия.

- **Благоговение** перед культурой представляет собой, с одной стороны, самоидентификацию с национальной культурой и бескорыстное служение ей; с другой стороны — почитание и сохранение культурных памятников других стран и народов в качестве общечеловеческого культурного наследия. Служение национальной культуре представляет собой создание, хранение, распространение и освоение национальных культурных ценностей во имя блага Родины. *Интеллигент не может не быть патриотом своей Родины.*

Почему же будущее библиотек, осознавших и принявших свою гуманистическую миссию в обществе, выглядит более благополучным, чем библиотек как центров информационных ресурсов и современных ИКТ? Потому что в таком случае появляется надежда на то, что в обществе будет осознана роль библиотеки как учреждения культуры в поступательном развитии человеческой цивилизации, причем очень важная и уникальная роль, поскольку библиотечная сеть — это самая многочисленная сеть общедоступных учреждений культуры. Потому что библиотеки как учреждения культуры — в отличие от сферы бизнеса и политики — ближе к духовности, причем не на словах, а на деле, поскольку библиотека — это не хранилище книг или информационных ресурсов, а духовного, интеллектуального и эмоционального потенциала человечества. Многие ценности с течением времени теряют свою ценность, но духовность — никогда, разве только в случае исчезновения человеческой цивилизации. Потому что, как сказал еще во времена средневековья арабский ученый Бируни: «Что касается наслаждений телесных, то тому, кто испытывает их, они оставляют после себя страдания и приводят к болезням. Эти наслаждения надоедают, когда длиться долго, и причиняют страдания, когда переходят меру. Достаточным для тебя доказательством является наслаждение от еды...»

И это в противоположность наслаждению, которое испытывает душа, когда она что-нибудь познает, ибо такое наслаждение, начавшись, все время возрастает, не останавливаясь у какого-либо предела»³⁶.

³⁶ Историческое доосье. Что говорили великие люди о других и о себе: Энциклопедия. В 10 т./Сост. Н. Л. Вадченко, И. В. Приседская. — Д.: Сталкер, 1997. — т. 1. — 448 с. — С. 88.

какая идеал профес сивна в библио течн деле должн стремиться библио тей?